

В.А. КВАШНИН. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.). Вологда: Издательство «Русь», 2006. 177 с. 2 карты*

Рецензируемая книга состоит из Введения, трех разделов – «Bellum» (Война), «Civitas» (Община) и «Familia» (Семья), разделенных на девять очерков, и Заключение. Во Введении (с. 3–4) автор отмечает, что в общественной жизни Рима отсутствовало разделение на правовую, политическую и религиозную составляющие: «Данный тезис, достаточно давно присутствующий в историографии, мы попытались наполнить предметным содержанием» (с. 3).

Раздел «Bellum» (с. 5–68) начинается с очерка 1.1. «Сципион Старший и союзники: некоторые аспекты подготовки африканской экспедиции 205 г. до н.э.» (с. 5–33). Одной из привлекаемых черт научного метода автора является скрупулезная работа с первоисточниками, что наряду с прекрасным владением научной литературой, в том числе – новейшей, и позволяет ему пересмотреть некоторые распространенные в антиковедении мнения.

Автор обращает внимание на обстоятельства подготовки африканской экспедиции, «обычно ускользающие от внимания исследователей» (с. 5). Убедительно доказано, что главной противодействием ей была не клановая борьба Сципионов с Фабиями, а финансовая невозможность для государства вести войну на два фронта (с. 11–12). Мнение И.Ш. Кораблева, что из-за противодействия сената консул был вынужден снаряжать африканскую экспедицию исключительно на собственные средства¹, В.А. Квашнин опровергает элементарными подсчетами: сколько стоило бы содержание армии за год и как эта сумма соотносится с имуществом Сципиона. Один из богатейших людей Рима², Сципион оставил состояние в 4 млн. сестерциев (Polyb. 32.13). Разумеется, в момент подготовки похода оно было намного скромнее. И он просто никак не мог из собственных средств выделить 6.5 млн. в год на подготовку и содержание армии (с. 13–14)! Автор приходит к обоснованному выводу, что основная тяжесть финансирования легла на плечи италийцев, особенно тех, что «провинились» перед Римом недостаточной лояльностью в войне с Ганнибалом³.

Безупречная подача материала не вызывает возражений, как и конечный вывод автора: прочитанный заново рассказ Ливия о подготовке экспедиции позволяет по-новому взглянуть на привычное представление о роли Сципиона и его взаимоотношениях с сенатом (с. 33).

Очерк 1.2. «Катон Цензор и Сципион Африканский в Сицилии (205 / 204 гг. до н.э.): историческая реальность в литературно-риторическом пространстве» (с. 33–54), посвящен конфликту Катона и Сципиона в Сицилии, когда квестор Катон рассорился со своим начальником. Факт, казалось бы, мелкий и частный. Но он позволяет глубже понять механизм функционирования римской государственной системы, отношения отдельных лиц между собой, и, самое главное – судить об их политическом весе на тот момент.

Еще одной ценной чертой методологических установок В.А. Квашнина является его принцип: «...чтобы оценить степень достоверности информации античного автора, необходимо определить источники, которыми он пользовался» (с. 39). Сравнивая различные версии, он вслед за Д. Кинастом⁴ доказывает, что ссора Сципиона с Катонем – реальный факт, но обвинение консула квестором в сенате – более чем сомнительно (с. 39–42, 44–50).

Катон осуждал «греческий» образ жизни Сципиона на Сицилии. И, одновременно, ту позицию, которую занял консул в скандальном деле своего легата Квинта Племиния, разграбившего Локры: «Нельзя исключать, что часть награбленного попала в руки Сципиона» (с. 46–47). Этот эпизод имеет огромное концептуальное значение. Консул демонстрировал свой филэллизм и одновременно беззастенчиво грабил эллинов! Прекрасная иллюстрация к тому тезису,

*Монографии В.А. Квашнина: «Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего». Вологда, 2004 и «Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн». Вологда, 2006 – можно найти на сайте www.ancientrome.ru/public/kwashnin/Kvash03f.htm.

¹ Кораблев И.Ш. Ганнибал. Изд. 2-е. М., 1981. С. 245.

² Scullard H. Scipio Africanus – Soldier and Politician. L., 1970. P. 290 f.

³ Ср. Ревяко К.А. Отношение этрусков ко 2-й Пунической войне // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1974. С. 69.

⁴ См. Kienast D. Cato der Censor. Seine Personlichkeit und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 18.

что филэллинизм был исключительно «культурным явлением» и никак не отражался на реальной политике.

Конечный вывод автора: последовательная позиция Катона, атакующего своего непосредственного начальника сначала в армии, а затем в курии, имеет ретроспективный характер, отражая их взаимоотношения более позднего времени. Попадшие в поле зрения традиции антиципионовские выступления в сенате позволили придать больший драматизм и логическую последовательность событиям, увязав воедино Фабия, Катона и Сципиона как равноправных участников событий 205–204 гг. до н.э. (с. 52–54).

Излагая весьма спорные мнения Г. Скалларда, В.А. Квашнин оставил их без комментариев. Г. Скаллард полагает, что политически Фабий представлял тот класс римского общества, который не видел будущего Рима вне пределов Италии⁵. И его стратегические замыслы не шли дальше задачи вытеснения Ганнибала из Италии, скорейшего окончания войны и начала восстановления разрушенного войной хозяйства. Английский исследователь явно переоценивает глубину экономического мышления Фабия, приписывая ему планы «восстановления народного хозяйства». Сципион Африканский, напротив, желал войны «до победного конца», которая должна была закончиться разгромом Карфагена и в общей перспективе – установлением власти над всем Средиземноморьем⁶. Здесь, несомненно, преувеличивается степень, на тот момент, агрессивности Рима, как и дальновидность замыслов консула. Полибий ставил своей целью показать, как все известные земли попали под власть Рима за 53 года (I.1.5), он рассматривал римскую историю как последовательное осуществление плана покорения мира. Разумеется, такого плана не было, да и сама идея мирового господства пришла в Рим намного позже⁷, видимо, никак не раньше эпохи Октавиана Августа. Уже давно доказано, что Рим не имел определенной и долгосрочной программы покорения мира⁸.

Г. Скаллард высказал даже предположение о существовании в этот период в Риме «партии мира», возглавляемой Фабием, которая склонялась в 205 г. до н.э. к компромиссу с Карфагеном, будучи готова гарантировать сохранение всех его африканских владений в обмен на мир⁹. Спорность последнего мнения очевидна, вероятно, оно совершенно необоснованно переносит на римский сенат ту ситуацию, которая существовала среди карфагенских олигархов накануне II Пунической войны по отношению к Риму.

В.А. Квашнин не стал полемизировать с английским ученым, хотя и привел доводы исследователей, показывающие несостоятельность его позиции¹⁰. Автор работает в импонирующей спокойной академической манере, избегая излишней категоричности и резкости суждений. Но, как известно, наши недостатки – прямое продолжение наших достоинств. Возможно, ему надо чаще комментировать высказывания предшественников. И чаще давать им собственную авторскую оценку.

Очерк 1.3 «Отставка плебейских эдилов в 202 г. до н.э.: римский магистрат между *fas* и *ius*» (с. 54–68). Отталкиваясь от, опять-таки, частного случая – отставки двух плебейских эдилов из-за обнаруженных религиозных погрешностей при проведении выборов, автор выходит на высокий уровень анализа, обобщений, интересных конкретных выводов. Затронутый вопрос заставляет его обратиться к сложной проблеме взаимоотношения религии и политики в повседневной жизни римлян. Он полагает, что понимание смысла этого эпизода 202 г. до н.э. невозможно вне политического контекста событий 203–201 гг. до н.э. Эдилы сложили с себя полномочия только спустя восемь месяцев после вступления в должность. Это заставляет предположить скорее политическую, чем чисто религиозную подоплеку событий 202 г. до н.э. (с. 56–57).

Убедительно опровергнув мнение Г. Скалларда, что главной целью организаторов отставки эдилов была их дискредитация¹¹, автор считает, что их отставка все же стала одним из проявле-

⁵ Scullard. Scipio Africanus... P. 161–166, 168. Полагаю, крайне сомнительно, чтобы хотя бы какая-то часть нобилитета «не видела будущего Рима вне пределов Италии», стремление к расширению если не территорий, то влияния отчетливо прослеживается еще с начала I Пунической войны и двух Иллирийских войн Рима.

⁶ Scullard H. A history of the Roman World 753 to 146 B.C. 5th ed. L.–N.Y., 1980. P. 232–233.

⁷ Подробнее см. Carcopino J. Les etapes de l'imperialisme romain. P., 1961. P. 533; Werner R. Das Problem Des Imperialismus und die römische Ostpolitik im 2. Jahrhundert v. Chr. // ANRW. Bd I.1. B.–N.Y., 1972. S. 501–526.

⁸ См., например: Adcock F.W. Roman Political Ideas and Practice. Ann Arbor, 1959; idem. The Roman Art of the War under the Republic. Cambr., 1940.

⁹ Scullard. A history... P. 502. Not. 8.

¹⁰ См. Кораблев. Ганнибал. С. 245–246.

¹¹ Scullard H. Roman politics, 220–150 B.C. Oxf., 1951. P. 279–281.

ний политической борьбы. Подробно проанализировав противостояние Сципиона и сената на завершающем этапе II Пунической войны (с. 57–62), он приходит к выводу, что лишь неблагоприятные погодные условия сорвали план сената заменить в Африке Сципиона консулом Тиберием Клавдием Нероном. На фоне неблагоприятных знамений это вызвало в сенате напряженный поиск причин неудачи, что и привело к отставке «неправильно» избранных плебейских эдилов (с. 65).

Автор подтвердил тезис о тесной взаимосвязи и переплетении в римской жизни таких областей как политика, религия и право. Думаю, очерк можно было завершить более решительным выводом о подчиненной роли *fas* перед *ius*. Блестяще, повторюсь, исполненный очерк, вызывает одно сомнение. В.А. Квашнин в своих построениях использует речь Катона «*De aedilibus vitio creatis*» (MF 214–215). Отметив, что датировка речи неизвестна, он допускает, что речь относится к событиям 202 г. до н.э. Но с этим можно и не согласиться. С 222 по 153 г. до н.э. консулы, следовательно, – и эдилы тоже, вступали в должность 15 марта¹². Отставка эдилов произошла через 8 месяцев, следовательно – в ноябре. А в речи читаем: «Теперь говорят, что нивы и колосья хорошо налились зерном»¹³. Возникает явная хронологическая нестыковка, в ноябре нивы давно уже были сжаты и колосья никак не могли «наливаться зерном»! Либо речь произнесена не в 202 г. до н.э., но тогда она не имеет никакого отношения к анализируемому событию. Либо – речь Катона летом 202 г. до н.э. не имела никаких последствий для эдилов, ушедших в отставку только четыре месяца спустя! В таком случае мы снова возвращаемся к вопросу о политическом весе Катона в 202 г. до н.э. Получается, что он был столь же незначителен, как и в 205 г. до н.э.!

Очерк 2.1 «*Praetor bonus*: претора 196 г. до н.э., традиция «моральной критики» и проблема *lex provinciae*» (с. 69–85) четко построен на противопоставлении двух терминов и кроющихся за ними явлений. Это упоминаемый Цицероном *praetor improbus* (Verr. 2. 12. 30) и предложенный автором термин «*praetor bonus*». Он создан по аналогии с понятием «*vir bonus*», что позволяет перевести его не только как «хороший претор», но и «идеальный претор» (с. 69).

Подробно анализируется претора Катона на Сардинии и его борьба со злоупотреблениями отдельных наместников провинций (с. 69–75). Прослеживается прямое влияние Катона на Гая Гракха, Цицерона и Авла Геллия (с. 75–81). Тщательно разбираются такие сложные вопросы, как *leges provinciae* (с. 81–83) и особенности римской системы провинциального управления (с. 83–85). Отталкиваясь от частного, автор переходит на уровень глобальных выводов. По мнению Катона, провинции должны были служить интересам не отдельных лиц, а гражданской общины в целом. Но наместники были минимально ограничены контролем со стороны сената. Государственный аппарат республики по сравнению с современными моделями государства может быть охарактеризован как слабо развитый¹⁴. Важнейшим условием эффективности римского провинциального управления был моральный облик наместника. Сенат вынужден был взять на себя функцию контроля над поведением должностных лиц в провинциях. В дальнейшем эта тенденция получила наибольшее развитие в императорских провинциях, в которых роль верховного контролера играл сам принцепс¹⁵. Культивировавшееся Катоню преклонение перед нравственными нормами старины, таким образом, имело прямое практическое значение. Он предстает не упрямым консерватором, а дальновидным государственным деятелем, одним из первых обратившим внимание на необходимость оптимизации системы управления (с. 84).

В условиях отсутствия развитых бюрократических структур, Рим должен был искать опору своей власти на местах¹⁶. Он нашел ее в местном самоуправлении. Оценивая сложившуюся систему провинциального управления, следует признать, что ее многочисленные недостатки не перечеркивали ее несомненных достоинств. (с. 85). Это хорошо сбалансированный и убедительный вывод.

2.2. *Jus* и *pietas* в судебном процессе Манция Ацилия Глабриона (с. 85–102). В центре внимания автора – участие Катона в судебном процессе против Глабриона. Весной 189 г. до н.э., во время выборов цензоров, Катон обвиняет Глабриона в присвоении части добычи. Эти действия Катона обозначили начало широкой политической кампании против группировки Сципиона (с. 88). Внешне мало связанные друг с другом события 80-х годов II в. до н.э. в действительности явля-

¹² См. Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 59.

¹³ MF 214: *Nunc ita aiunt, in segetibus, in herbis bona frumenta esse.*

¹⁴ Garnsey P., Saller R. *The Roman Empire: Economy, Society and Culture*. L., 1987. P. 20.

¹⁵ Millar F. *The Emperor in the Roman World* (31 B.C. – A.D. 337). L., 1977 P. 270 f.; *idem*. *The Emperor, the Senate and the Provinces* // JRS. 1966. 56. P. 166.

¹⁶ Смышляев А.Л. Государство без бюрократии (Опыт Ранней Римской империи) // Античность и современность. М., 1991. С. 72–73.

ются звеньями одной цепи. Их объединяет фигура Катона Старшего, ставшая во всех этих событиях ключевой (с. 89).

Неоднократно обсуждался вопрос о том, существовал ли в республиканском Риме контроль за тем, как полководец распоряжался добычей. Принято считать, что обычай давал магистратам возможность распоряжаться ею бесконтрольно. Но, в принципе, полководец был обязан вносить в эрарий все захваченное у неприятеля¹⁷. Согласно более позднему *lex Iulia peculatus et de sacrilegis* 8 г. до н.э., присвоение части военной добычи наказывалось штрафом в размере четырехкратной суммы похищенного (D. 48.13.15).

Присвоенные ценности Глабрион пустил на свою предвыборную кампанию¹⁸. Особый вес обвинению придавали показания Катона¹⁹. Ливий сообщает (37. 57. 14) в этой связи: «...он показал, что не заметил во время триумфа тех золотых и серебряных сосудов, которые видел среди добычи...» (с. 90–91).

Сам Катон, по всей видимости, не считал себя связанным какими-то обязательствами по службе, поскольку, по крайней мере, дважды выступал с показаниями против своих начальников²⁰. С точки зрения Катона, очевидно, требование *pietas* подчиненного по отношению к своему начальнику находилось куда ниже обязательств гражданина перед *res publica* (с. 91).

Автор превосходно разобрался как в тонкостях римского права, так и в методах внутриполитической борьбы. Хорошо показано, что политический вес Катона неизмеримо вырос. Выскажу только одно сомнение. Станным образом ни до, ни после 180-х годов до н.э. не зафиксировано ни одного судебного обвинения полководца в присвоении части добычи! Проанализированные судебные процессы имели не столько юридический, сколько политический характер! Представляя собой скорее средства политической борьбы, нежели стремление соблюсти дух и букву закона. Посему не соглашусь, что контроль над распределением военных трофеев был обычной нормой. В период Республики, очевидно, существовала лишь моральная, но не правовая обязанность консула сдать в эрарий «всю добычу». *Lex Iulia* относится ко времени Принципата и никак не может быть экстраполирована на ситуацию и события II в. до н.э.

Ссылаясь на И. Шацмана, автор пишет, что контроль над распределением военных трофеев все же существовал. Но, повторюсь, – контроль не правовой, а морально-этический. Ведь конечный вывод статьи И. Шацмана гласит: «И по обычаю, и по закону консул мог свободно распоряжаться военной добычей»²¹. И даже не мог быть привлечен к суду за присвоение части ее²² по той простой причине, что не было такого закона.

Что консул оставлял себе часть добычи – было обычной и общепринятой нормой. Можно провести показательную параллель с деятельностью наместников провинций. Мария Якчиновская давно отметила, что сенат на злоупотребления наместников «смотрел сквозь пальцы» – «*patres*» сами проходили через все это в бытность проконсулами. В общем, сенаторы считали наместничество средством приобретения в короткий срок большого состояния, причем различия между легальными и нелегальными способами обогащения в провинции были весьма неопределенными²³. Потому и жалобы провинциалов в сенат на злоупотребления наместников оставались без последствий. Полагаю, точно так же было и с правом консула распоряжаться по своему усмотрению частью добычи. «Пострадавшим» проконсулам просто не повезло! Они оказались на острие внутриполитической борьбы. Иначе, видимо, нобилиям не было бы и дела до того, что те «приватизировали» часть трофеев.

2.3. «Цензура 184 г. до н.э. в свете развития социальной структуры римской *civitas*» (с. 102–126). Автор предпринял заслуживающую внимания попытку максимально полно реконструировать все этапы цензуры, а также «определить ее место и значение в истории II в. до н.э.» (с. 102).

По его мнению, Сципион хотел минимума контроля со стороны сената и гражданского коллектива по отношению к отдельным нобилиям. Катон сумел переломить эту тенденцию, восстановив в полном масштабе контрольно-предупредительную и репрессивную функции института

¹⁷ Guarino A. *Storia del diritto romano*. Napoli, 1987. 7 ed. P. 192.

¹⁸ См. Barzano A. Catone il Vecchio e il processo contro Manio Acilio Glabrione candidato alla censura (189 a. C.) // *Processi e politica nel mondo antico* / A cura di M. Sordi. Milano, 1996. P. 134.

¹⁹ Fraccaro P. Le fonti per il consolato di M. Porcio Catone // *Studi storici per l'antichità*. 1910. № 3. P. 149; Malcovati H. *Commentarii* // *Oratorum romanorum fragmenta liberae rei publicae* / Rec. H. Malcovati. Torino, 1955. Ed. 2. P. 33–34.

²⁰ См. Malcovati. Op. cit. P. 57, 81–82; Kienast. Op. cit. S. 65.

²¹ Shatzman I. The Roman General's Authority over Booty // *Historia*. 1972. XXI. 2. P. 177.

²² Ibid. P. 204.

²³ Jakzynowska M. Dochody arystokracji senatorskiej z prowincji a jej zroznicowanie społeczno-ekonomiczne na schyłku republiki // *Kwartalnik historyczny*. Warszawa, 1960. LXVII. № 2. S. 296.

цензоров. Оценивая действия Катона, исследователи видят в них борьбу за сохранение в жизни римской общины коллективистских начал, обеспечивавших экономическое равенство граждан и тем самым укреплявших *civitas* изнутри (с. 116).

На мой взгляд, очень важный аспект заключен в том, что В.А. Квашнин упоминает только вскользь – цензоры на треть увеличили доходы эрария²⁴! Граждане наглядно увидели, что группировка Сципиона заботится в первую очередь о себе, а только потом – о государстве и квири-тах. А Катон своими действиями доказал, что использует власть прежде всего в интересах всего коллектива граждан! Его действия отвечали интересам всех квири-тов, а не только узкой группы нобилей.

Цензура 184 г. до н.э. завершила продолжительный период складывания гражданских устоев римской общины. Закономерным следствием становления *civitas* стало пробуждение массы граждан – мелких земельных собственников, начавших приобщение к политической деятельности. Первым проявлением их политической «зрелости», видимо, и стали события 30-х годов II в. до н.э. (с. 128). Этот вывод В.А. Квашнина во многом объясняет, почему именно в 40-х годах II в. до н.э. и произошел переход от политики иностранной клиентелы к организации провинций²⁵.

3.1. «Воспитание по Катону»: к вопросу о традиционной системе воспитания в древнем Риме» (с. 127–137). Цель очерка – выяснить, являлись ли педагогические приемы Катона специфическими, или же они восходят к традиционной системе воспитания. Заодно автор разбирает такую проблему, как «некоторая двойственность» образа Катона Старшего: контраст между суровым политиком в общественной жизни и, одновременно, нежным и заботливым отцом и мужем в частной.

Его вывод: «воспитание по Катону» воспроизводит традиционную систему. Это объясняет особое внимание Цензора к вопросам воспитания, позволяя снять противоречие между «публичным» и «домашним» Катоном, отмеченное выше. Воспитание достойных граждан – важнейшее условие функционирования *civitas*. А тем социальным организмом, в котором начинался и во многом протекал процесс межпоколенной социализации, выступала римская *familia*, о сохранении которой так заботился Катон (с. 136–137).

3.2. «Катон и “старые рабы”»: этнографические параллели к Cat. Agr. 2.7» (с. 137–158). Рекомендации Катона по обращению с рабами в его «Земледелии» в исторической науке получили самую негативную оценку, часто проецируемую на личность самого Катона (с. 137). Наибольшее влияние на его восприятие оказали 4-я и 5-я главы его биографии, написанной Плутархом, построенные в виде дидактического комментария к совету Катона избавляться от старых рабов. Однако Плутарх выступает лишь в качестве комментатора 2-й главы «Земледелия», основное внимание должно быть уделено непосредственно тексту Катона. Рекомендацию Катона продавать старых рабов следует воспринимать в контексте всей 2-й главы его сочинения (с. 139).

Таким образом, очерк посвящен «реабилитации» Катона. Сразу соглашусь с выводом автора: такое поведение хозяина-рабовладельца не позволяет считать его человеком, для которого превыше всего обогащение. Как остроумно замечает В.А. Квашнин: «Сомнение вызывает сама возможность продажи старого, больного или увечного скота. В случае же с больными и старыми рабами просто отсутствует вразумительное объяснение, кто и с какими целями мог их покупать» (с. 145).

Впечатление о Катоне как прожженном дельце, заботящемся только о прибыли, во многом формирует его совет продать дряхлого и болезненного раба (Cat. Agr. 2). Между тем смысл и контекст этого совета не столь однозначны, как может показаться. Негативную оценку Катона Плутархом автор объясняет неприязнью греков к Риму (с. 144). Привлекая разнообразный религиозно-мифологический материал самых разных эпох и народов (с. 145–157), он доказывает, что избавление от старых рабов – это просто пережитки какого-то архаического обряда. Мысль явно новая, оригинальная и интересная, но весьма сомнительная.

Не отрицая саму возможность продажи старых и больных рабов, автор высказывает серьезные сомнения в ее реальному воплощению в жизнь. На его остроумную реплику (см. выше) можно возразить. Даже увечное животное легко можно продать на мясо и кожу. «*Servus senem*» Катона можно перевести не только как «старый раб», но и «немогущий, слабый» и даже – «зрелый раб». В первом случае физически слабый раб, негодный для сельских работ, мог быть продан в город для услуг по дому и т.п.; во втором – можно предположить, что это подростки дети рабынь, лишние в хозяйственном механизме виллы. Разумеется, это чистой воды предположение. Главное не это – «все лишнее» Катон советует продавать не ради огромных барышей, а из соображений чистого практицизма, но едва ли – из-за влияния каких-то архаичных обрядов.

²⁴ См. *Frank T. An Economic Survey of Ancient Rome*. Baltimore, 1933. P. 151.

²⁵ Ср. *Беликов А.П.* Рим и эллинизм. Основные проблемы политических, экономических и культурных контактов. Дис... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2003. С. 202–226.

3.3. «Ячменные деньги» для римской армии: вдовы и сироты на службе у общины» (с. 158–170). Анализируя информацию Ливия (24. 18. 12–13) о добровольной передаче людьми сиротских и вдовьих денег в опустевшую казну во время войны с Ганнибалом, автор приходит к следующим выводам. Упоминание денег, связанных с такими категориями населения, как вдовы и сироты, в контексте войны заставляет думать, что речь идет о так называемом «ячменном» налоге – *aes hordearium*²⁶ и о людях, являвшихся лицами своего права (*sui iuris*), обладавших определенным имуществом, но не выплачивавших военный налог – трибут²⁷. Это показывает, что характеристика, данная в нашем источнике этой категории лиц, отражала не социальное, а юридическое их положение (с. 168).

Имущество погибших на войне граждан переходило к лицам, не обложенным трибутом²⁸. В поисках новых источников пополнения казны цензоры использовали формально не отмененный «ячменный» налог, расширяя базу налогоплательщиков и одновременно перекрывая возможность вывода имущества погибших домовладык из-под фискального контроля. Цензоры воспользовались возможностью с помощью *aes hordearium* обложить налогом и незамужних женщин, обладавших какой-то собственностью, причислив их к вдовам (с. 169).

Ливий в художественных целях мог несколько «исправить» имевшиеся в его распоряжении сведения. У него происходит смещение акцентов: не цензоры из-за отчаянной нужды государства в деньгах обложили налогом вдов и сирот, а те сами принесли свои средства в казну, чтобы помочь государству (с. 170).

«Вместо заключения. Политик в древнем Риме: между личным и общественным» (с. 170–174). В Заключении содержатся важные выводы. Политик всегда находится перед необходимостью реализации интересов, как общественных, затрагивающих нужды коллектива в целом, так и сугубо личных и узкогрупповых (с. 171). Рим эпохи Республики – общество аристократического типа. Хотя в настоящее время в историографии наметилась тенденция²⁹ к отрицанию аристократического характера Республики, невозможно игнорировать наличие в ней как властной элиты, аристократической по своему характеру (нобилитета), так и того влияния, которое она оказывала на жизнь общества (с. 171). Сципион и Катон воплощали собой два разных типа римского политика. В центре внимания Сципиона находился его семейно-клановый мир со специфическими интересами, на периферию которого была помещена римская община. Катон Старший демонстрирует диаметрально противоположный подход к «ремеслу» политика. Вся его деятельность была подчинена одной цели: пресечению любых действий либо тенденций, подрывавших гражданские устои общества (с. 173).

Summa summarum. Монография обладает многими и несомненными достоинствами. Скроплезная работа автора с первоисточниками и терминами, нацеленность на возможно полное раскрытие источниковой базы античных авторов. Хорошее владение новейшей литературой, опора на достижения предшественников и желание творчески развить некоторые их принципиально важные выводы. Стремление к самостоятельной, подчас оригинальной трактовке событий и явлений. Хорошо продуманная аргументация. Аналитический характер изложения, высокий уровень аналитики. Умение, отталкиваясь от частного, переходить к глобальным выводам. Спокойный академический тон, уважительная корректная критика, чего зачастую так не хватает некоторым современным работам.

К недостаткам можно отнести редкое использование прямых комментариев к спорным мнениям предшественников. Не все выводы выглядят достаточно убедительными часто только из-за того, что их аргументация слишком кратка и явно требует расширения. Особенно удаются автору конкретно-исторические исследования; менее убедительны сюжеты, основанные на применении широких религиозно-мифологических аналогий. Чувствуется некоторая идеализация Катона и легкое преувеличение его роли в политической жизни Рима.

Однако В.А. Квашнин обладает высоким научным потенциалом, и отдельные недостатки, несомненно, перевешиваются очевидными достоинствами. Книга интересная и полезная. Без обращения к его монографии теперь едва ли обойдется специалист, профессионально занимающийся периодом Средней республики.

А.П. Беликов

²⁶ *Peppe L. Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta repubblicana. Milano, 1984. P. 140.*

²⁷ *См. Klingenberg G. Die Frau im römischen Abgaben- und Fiskalrecht // RIDA. 1983. 30. S. 143–144.*

²⁸ *Pomeroy S.B. Relationship of the Married Women to Her Blood Relatives in Rome // Ancient Society. 1976. 4. P. 222.*

²⁹ *См. Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998.*